# ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

## К. Н. БУЛИЧА

1828—1846 гг. *)

### I.

Переѣздъ изъ Кіева.

Я родился въ 1828 году, въ г. Прилукахъ, полтавской губерніи, гдѣ отецъ мой, женатый въ Сибири и имѣя уже трехъ сыновей, остановился, перебираясь на свою родину—Малороссію. По мѣстному церковному обычаю, меня, при крещеніи, только обливали святою водою, и до весны того года семья наша оставалась со мною въ Прилукахъ, когда съ установившимся теплomъ мы снова тронулись въ путь, ведя за собою козу — мою четвероногую кормилицу. Впослѣдствіи, когда я подросъ, способъ моего крещенія и кормленія послужилъ предлогомъ насмѣшекъ надо мною. Старшіе мои братья—сибиряки—не мало гордились предо мною, усматривая выгоды и преимущества своего крещенія и кормленія.

*) Константинъ Никитичъ Буличъ собралъ, какъ онъ намъ писалъ изъ Казани еще въ октябрѣ прошедшаго года, обширный матеріалъ, накопленный имъ во времена его разнообразной дѣятельности, административной, судебной, земской и городской. На основаніи такого матеріала онъ приступилъ къ составленію мемуаровъ, но смерть, постигшая его въ концѣ прошедшаго года, не дозволила ему закончить предпринятое, и онъ успѣлъ доставить намъ только первыя три главы изъ начатаго имъ труда.—*Ред.*

Черезъ четыре года послѣ того, въ 1832 г., я начинаю помнить себя на рукахъ у няни въ большомъ роскошномъ саду съ темносиними ягодами шелковицы, съ свѣтлозелеными орѣхами грецкихъ деревьевъ; изъ сада видна широкая голубая рѣка — Днѣпръ. Это было въ Кіевѣ, гдѣ отецъ купилъ свой большой деревянный домъ на Крещатикѣ, съ садомъ и видомъ на Подолъ. Въ этомъ же году умерла наша мать. Время еще заволакиваетъ мое сознаніе, и только нѣсколько тонкихъ и милыхъ впечатлѣній западаетъ навсегда отъ посѣщеній нашего осиротѣлаго дома маленькой сосѣдкой, полькой. Мы остались на рукахъ у бабушки. Въ 1834 году отецъ, напуганный событіями 1831 года, опечаленный потерей жены, озабоченный воспитаніемъ уже пяти сыновей, рѣшился не оставаться въ Кіевѣ, и, какъ говорилъ намъ не одинъ разъ потомъ,—именно изъ опасенія вреднаго вліянія на воспитаніе дѣтей поляковъ, живущихъ въ Кіевѣ. Въ томъ же году рѣшено было выбрать другіе извѣстные тогда университетскіе города: Москву, Харьковъ, Казань, и прежде чѣмъ остановиться на которомъ-нибудь изъ нихъ или посовѣтоваться о выборѣ,—по суевѣрному обычаю старины написаны были на билетикахъ три имени: Москва, Харьковъ, Казань, и эти билетики положены за образъ. Вынулся городъ Казань.—Тогда большой домъ на Крещатикѣ былъ проданъ, и на переведенныя черезъ коммиссіонера въ Казань деньги купленъ большой деревянный домъ на Лядской улицѣ, гдѣ впослѣдствіи, на мѣстѣ сгорѣвшаго и уже проданнаго дома, вновь построенъ каменный домъ В. М. Молоствова.—Послѣ того (въ 1835 году) большая семья изъ отца, пожилой бабушки, пятерыхъ сыновей отъ 11 до 4-хъ лѣтъ, двухъ нянь и гувернера-итальянца Кетнера, размѣстилась въ трехъ экипажахъ, запряженныхъ разномастными крупными лошадьми съ наемными кучерами и форейторами, а большой запасъ образовъ, серебра, картинъ, бѣлья и фарфоровой и фаянсовой посуды кіевской Межигорской фабрики былъ помѣщенъ на четырехъ фургонахъ и крытыхъ телѣгахъ. Все это весною 1835 года тронулось въ путь на Курскъ, Тамбовъ и Пензу въ Казань. Весь транспортъ двигался подъ руководствомъ Онуфрія Брянскаго, бывшаго дворовaго человѣка, вѣроятно бѣглаго, прошедшаго не одинъ разъ путь изъ Казани въ Кіевъ и нанятаго отцомъ за большія деньги.—Помнятся нѣкоторые эпизоды этого странствія: бѣлый, свѣтлый день, густой лиственный лѣсъ; весь транспортъ усталъ отъ полуторамѣсячнаго пути, заблудился въ лѣсу, разсѣясь на большомъ пространствѣ, и стоитъ безъ движенія. Опытность Брянскаго не помогаетъ. Отецъ, всегда горя-

чій, невоздержный, бушуетъ, грозится съ палкой въ рукахъ прибить Брянскаго. Транспортъ не двигается. — Помнится ночлегъ и днёвка въ большомъ селѣ съ памятнымъ до сихъ поръ ужасомъ въ дѣтскихъ глазахъ при видѣ небольшихъ кусковъ отвратительнаго зеленаго вида, изъ лебеды и глины—ржаного хлѣба. Говорятъ, здѣсь голодъ, и въ дѣтское сердце тяжелымъ камнемъ западаетъ навсегда народное бѣдствіе.—Наконецъ мы въ Казани. Обширный дворъ, заросшій жидкою травою, незнакомый для глазъ сѣверный сумракъ, холодъ; на дворѣ—распряженные экипажи; кучера водятъ лошадей, усталыхъ отъ трехмѣсячнаго пути, и невыразимо хочется спать въ домѣ, а не въ экипажѣ или избѣ. Прощай, благодатный югъ! Прощай, голубой Днѣпръ, роскошный садъ! Прощай, дорогая могила, которую черезъ 65 лѣтъ потомъ съ трудомъ отыскиваетъ въ Кіевѣ сѣдой старикъ-сынъ съ своею дочерью, молодой дѣвушкой. А пресловутое вредное вліяніе на дѣтей поляковъ! Въ той же Казани, куда мы бѣжали отъ него, мой старшій братъ уже двадцати лѣтъ и еще при жизни отца дѣлается страстнымъ поклонникомъ Мицкевича, знаетъ наизусть почти всѣ его „Дзяды“, „Пана Тадеуша“, и говоритъ по-польски какъ настоящій полякъ. А въ 1880 году мой старшій сынъ, также воспитанникъ казанскаго университета,—такой же поклонникъ и знатокъ польскаго языка, грамматики, литературы и поэзіи и также говоритъ по-польски какъ истый полякъ.

## II.

### Дѣтскіе годы.—Домашнее ученье.

Большой деревянный домъ въ Казани скоро дѣлается обитаемымъ. Въ большой залѣ—два окна во дворъ и два на улицу,—у стѣны и дверей въ гостиную ставится ручной органъ, привезенный съ собою изъ Кіева для забавы дѣтей. Они особенно любятъ веселую „Барыню“, „По улицѣ мостовой“ и т. д.—Ручку вертятъ попеременно двѣ няни-малороссіянки, пожилая Маланья и молодая Катерина. Въ промежуткѣ между двумя окнами во дворъ висѣлъ мальчикъ съ большой аспидной доской и надписью на ней какой-то задачи изъ цифръ, позже признанный академіей художествъ за оригинальную картину лучшаго русскаго живописца времени Боровиковскаго.—Въ средней—большой гостиной, по большой задней стѣнкѣ между двумя окнами, у двоихъ дверей изъ залы въ гостиную и изъ гостиной въ угло-

вую, разставляется большое количество прочной, краснаго дерева мебели; диванъ съ высокой спинкой и деревянными ручками по бокамъ его и такія же краснаго дерева широкія кресла съ деревянными ручками, всѣ обитыя красною, кармазиннаго цвѣта шерстяною матеріей, заказанною заранѣе черезъ мѣстнаго помѣщика и стараго знакомца, В. В. Аристова, впослѣдствіи игравшаго видную роль въ жизни старшаго брата. Еще и теперь такую старинную краснаго дерева мебель можно видѣть въ старыхъ архіерейскихъ и настоятельскихъ домахъ, въ кельяхъ богатыхъ отшельницъ-помѣщицъ женскаго монастыря, какъ я это видѣлъ уже черезъ тридцать лѣтъ въ Казани.—Въ 1862 году, вернувшись изъ Петербурга съ молодой женой въ нежилой деревянный домъ нашего имѣнія въ чистопольскомъ уѣздѣ, я нашелъ этотъ домъ наполненнымъ такою мебелью, съ переломанными ручками и ножками и перевезенною, за ненадобностью, изъ городского въ деревенскій домъ. Увлеченіе при реставраціи мебели уѣздно-городскими и деревенскими столярами стоило мнѣ дороже новой мебели.—На всѣхъ простѣнкахъ, надъ диваномъ и другой мебелью висѣли итальянскія акварели, купленныя дѣдомъ съ материнской стороны,—купцомъ Морозовымъ въ Лейпцигѣ, въ послѣднихъ годахъ восемнадцатаго столѣтія. Акварели эти, несмотря на бѣдность и топорность искусства въ рисункѣ изображеній человѣческихъ фигуръ—рыбаковъ на набережной Неаполя и др., до сихъ поръ поражаютъ яркостью своихъ красокъ, вѣрностью и красотою пейзажа. Таковы виды Неаполя и Везувія, Amalfi и Сорренто. Картины эти воспитали любовь двухъ поколѣній къ задумчивымъ пирамидальнымъ тополямъ, къ красотѣ приморскихъ видовъ.—Въ 1896 году, на сто-двадцатой выставкѣ картинъ И. К. Айвазовскаго въ Петербургѣ, я удивленъ былъ сходствомъ огромной каменной массы лиловатаго тона среди бушующихъ волнъ Средиземнаго моря съ такою же массой въ акварельномъ пейзажѣ моего деревенскаго дома, но влѣво и вблизи отъ Везувія и Неаполя. Привезенный рисунокъ выставки № 120 убѣдилъ всѣхъ въ томъ, что рисунокъ и колоритъ обоихъ изображеній былъ одинъ и тотъ же. Это былъ островъ Капри близъ Неаполя.—На трехъ большихъ окнахъ гостиной висѣли привезенныя изъ Сибири зеленыя тонкія тростниковыя гардины съ уродливыми изображеніями на нихъ красныхъ китайцевъ и китаянокъ. Съ самаго пріѣзда въ Казань, я, семи-восьмилѣтній мальчикъ, очень часто подолгу страдалъ—вѣроятно отъ употребленія отвратительной казанской воды—диспепсіей, сопровождаемой значительнымъ повышеніемъ температуры по ночамъ.

Цѣлыя недѣли я проводилъ на большомъ срединномъ диванѣ этой гостиной, и отвратительныя красныя фигуры выскакивали изъ гардинъ и поджаривали меня всю ночь.

Въ 1836 году отецъ купилъ въ чистопольскомъ уѣздѣ Кушниковское имѣнье, тогда еще не размежеванное, и привезъ съ собою управляющаго нѣмца, родомъ изъ лифляндской губерніи, а онъ взялъ съ собою двухъ дочерей, изъ которыхъ старшая, кривая Софья, стала насъ учить нѣмецкому языку, младшая Лотта поступила въ модный магазинъ, самъ же г. Готлибъ приготовлялся покуда у насъ въ домѣ къ успѣшному исправленію казанскаго хозяйства на лифляндскій манеръ, занимаясь чрезвычайно искуснымъ вырѣзываніемъ серегъ изъ фисташковыхъ и персиковыхъ косточекъ, ихъ золоченіемъ и столь же искуснымъ клееніемъ картонныхъ коробочекъ. Всѣ трое помѣщались въ угловой комнатѣ. Вся передняя половина дома отдѣлялась отъ задней широкимъ корридоромъ, въ который выходили двери двухъ комнатъ съ окнами на дворъ—кабинета отца и комнаты бабушки, и помѣщалась широкая и пологая лѣстница къ намъ на верхъ, въ большія и высокія дѣтскія, по одной для трехъ старшихъ братьевъ и двухъ младшихъ — меня и брата Павла. Въ этотъ корридоръ, лишь только смеркалось, сверху по лѣстницѣ спускались бумажные корабли, расцвѣченные флагами, освѣщенные яркими огнями свѣчей, вставленныхъ въ половинки грецкихъ орѣховъ; по всему дому поднимался шумъ и гамъ и происходило блестящее представленіе: битвы при Наваринѣ, послѣдняго дня при Миссолонги и т. п. Гувернеръ-итальянецъ Кетнеръ не жилъ съ нами. Явившись съ рекомендательнымъ письмомъ изъ Одессы къ директору первой гимназіи, онъ тогда же сдѣлался преподавателемъ французскаго языка въ этой гимназіи и только приходилъ къ намъ. Вскорѣ онъ погибъ трагической смертью на любимой имъ охотѣ въ одной изъ деревень подъ Казанью, гдѣ, перелѣзая черезъ плетень въ лугахъ, зацѣпился за поднятый курокъ ружья и всадилъ себѣ въ правый бокъ весь зарядъ дроби.

Ученье наше, руководимое умнымъ и образованнымъ отцомъ, воспитанникомъ кіевской духовной академіи, шло въ Казани правильнымъ путемъ. Французскій языкъ преподавалъ Кетнеръ, къ которому и я перешелъ здѣсь отъ милой двоюродной сестры, воспитанницы полтавскаго института, В. И. Севаскуловой, выучившей меня еще въ Кіевѣ русской грамотѣ и первоначальному французскому языку (ее я называлъ „сестрой-*еры*“ за насмѣшки надо мною и за неумѣнье произносить громко и правильно звукъ *ы*); нѣмецкому училъ насъ С. Ем. Готлибъ, первоначальной географіи

и исторіи—адъюнктъ-профессоръ университета Иванъ Фроловичъ Грацинскій, впослѣдствіи директоръ пермской гимназіи. Я тоже учился первоначальнымъ понятіямъ географіи по узенькой рукописной тетрадкѣ, составленной профессоромъ, и закону Божію—по катехизису митрополита Филарета, преподаваемому священникомъ грузинской церкви и чуть ли не родственникомъ Грацинскаго. Въ 1836 году, съ пріѣздомъ въ Казань начальника жандармовъ, графа П. И. Апраксина, отецъ мой поступилъ къ нему на службу секретаремъ, и ему вскорѣ представилась возможность помѣстить двухъ своихъ среднихъ сыновей на казенный счетъ въ кадетскіе корпуса. Вообще, съ пріѣздомъ въ Казань графа П. И., современника и знакомаго А. С. Пушкина (см. письмо его къ А. А. Фуксъ, № 446, изд. Литературнаго фонда), послѣдовало улучшеніе всѣхъ нашихъ дѣтскихъ дѣлъ. Одинокій (жена его осталась въ своемъ богатомъ домѣ въ Москвѣ), чрезвычайно ласковый съ дѣтьми, такъ какъ самъ очень любилъ ихъ, онъ вскорѣ завоевалъ симпатіи этихъ малыхъ людей. Аристократъ по происхожденію и богатству, онъ вовсе не имѣлъ тогдашнихъ предразсудковъ своего положенія. Поселившись въ Казани въ большомъ деревянномъ домѣ, тогда барона Пирха, а нынѣ Бронникова, онъ любилъ собирать къ себѣ дѣтей подъ предлогомъ всенощной, и послѣ того какъ кончалось тихое торжественное моленіе, растворялись двери изъ гостиной въ залу, туда врывались дѣти и съ бубликами и пряниками въ рукахъ пускались въ плясъ по залѣ, а въ дверяхъ гостиной стоялъ графъ, улыбаясь и смѣясь всѣмъ своимъ изящнымъ лицомъ и корпусомъ.—Мы, маленькія дѣти, каждый день съ утра садились у окна, съ нетерпѣніемъ ожидая посланца графа. Наконецъ раздавался звонъ шпоръ и появлялся гигантъ жандармъ въ своей красивой разноцвѣтной формѣ, въ блестящей каскѣ съ бѣлымъ султаномъ, и въ своихъ обтянутыхъ бѣлыми перчатками рукахъ несъ намъ обычный подарокъ графа: маседуанъ въ золоченой леденцовой корзинѣ, пудингъ изъ грецкихъ орѣховъ и т. п. Еще въ 1854 году, состоя на службѣ въ Петербургѣ, я любилъ посѣщать графа, и не одинъ разъ приходилъ съ дачи семейства Кетчеръ, на Петровскомъ островѣ, на дачу графа на Каменномъ островѣ, чтобы читать ему вслухъ, по его просьбѣ, комедіи и разсказы любимаго имъ Гоголя. Онъ состоялъ тогда помощникомъ государственнаго контролера и встрѣчалъ меня на балконѣ своей дачи, желтый, худой, въ шолковомъ тепломъ тулупчикѣ. Онъ умеръ отъ паралича сердца, вслѣдствіе излишняго употребленія минеральной воды.

Въ 1837—1838 году братья мои—Степанъ и Александръ

—отвезены были отцомъ, первый въ Аракчеевскій кадетскій корпусъ въ Грузино, а второй—въ горный корпусъ въ Петербургѣ. Была попытка помѣстить и меня въ морской кадетскій корпусъ, и отецъ возилъ меня въ Петербургъ, но къ большому моему удовольствію я не былъ принятъ, какъ очень близорукій и слабый мальчикъ. Зато въ моей душѣ навсегда запечатлѣлись блескъ и шумъ Петербурга, роскошный домъ снаружи и внутри полковника Булыгина на Итальянской улицѣ, гдѣ мы останавливались съ отцомъ, обаятельная прелесть дамъ высшаго общества, къ которому принадлежала моя хозяйка, дочь тайнаго совѣтника Персидскаго, возившая меня на своемъ великолѣпномъ конѣ по Невскому, посѣщеніе съ нею дома ея отца, разговоры и разсказы о филармоническомъ обществѣ и наконецъ парадный спектакль въ Михайловскомъ театрѣ, партеръ, блестѣвшій пурпурными колетами кавалергардовъ и гусаръ, серебряное платье королевы въ пьесѣ „Verre d'eau“, которое такъ нещадно обливалось водой, и вся та чудная, волшебная жизнь, въ которую не разъ манило меня потомъ мое дѣтское воображеніе. По возвращеніи въ Казань, ученье пошло снова привычнымъ путемъ. Особенность его для меня заключалась въ томъ, что я вставалъ раньше всѣхъ для того, чтобы готовить уроки. Постоянные посѣтители моего отца, такіе же ранніе,—В. В. Аристовъ и А. П. Манасеинъ (отецъ министра и извѣстнаго врача),—не мало хвалили меня за это, считая меня не совсѣмъ обыкновеннымъ мальчикомъ; послѣдній, спустя тридцать лѣтъ, напоминалъ мнѣ объ этомъ не разъ въ казанскомъ клубѣ, гдѣ я бывалъ по пріѣздѣ изъ Петербурга.—Послѣднимъ, лучшимъ впечатлѣніемъ дѣтства было для меня неожиданное ласковое обращеніе со мной извѣстной красавицы Казани, В. Е. Чертовой, жившей тогда противъ насъ въ своемъ каменномъ домѣ и совершенно намъ незнакомой, которая, встрѣтивъ меня вмѣстѣ съ братомъ на улицѣ около своего дома, взяла меня за руку и пригласила бывать у нихъ въ ихъ большомъ великолѣпномъ саду.

## III.

### Вторая казанская гимназія.

### 1841 — 1846 г.

Послѣ неудачной попытки сдать меня въ кадетскій корпусъ, отецъ помѣстилъ меня приходящимъ ученикомъ во 2-ую казан-

скую гимназію. Я поступилъ 12-ти лѣтъ въ III-й классъ, причемъ домашняя подготовка по всѣмъ предметамъ оказалась удовлетворительною, и недоставало только знанія латинскаго языка. Тогда обратились къ учителю латинскаго языка 2-й гимназіи, И. В. Тимоѳееву — извѣстному знатоку языка и схоласту, и онъ въ 15 уроковъ, оплачиваемыхъ по 5 руб. ассигнаціями, приготовилъ меня въ грамматическихъ, синтаксическихъ правилахъ и дѣланіи переводовъ — настолько хорошо, что за всѣ пять лѣтъ гимназіи переходъ въ высшіе классы къ учителямъ высшей эрудиціи, чѣмъ И. В. Тимоѳеевъ, и мои занятія съ ними прошли безъ всякой помѣхи и затрудненія.—Я считался лучшимъ знатокомъ латинскаго языка, что̀ приписывали моему знанію французскаго языка и моимъ способностямъ. Но, приглядѣвшись потомъ къ преподаванію всему классу тѣмъ же И. В. Тимоѳееевымъ, я убѣдился впослѣдствіи, что для всѣхъ его методъ съ насильственнымъ заучиваніемъ грамматики, изложенной въ дубовыхъ стихахъ „multa verba sunt in is“ или черченіе генеалогическихъ таблицъ для производства изъ коренныхъ — производныхъ временъ, — способны развѣ убить, а не развить изученіе языка.

Вторая казанская гимназія того времени, ея служебный и учебный персоналъ и весь ея строй прежде меня описаны въ рельефныхъ и глубокихъ чертахъ моимъ соученикомъ и товарищемъ по гимназіи, бывшимъ профессоромъ математики казанскаго университета, Е. П. Янишевскимъ, въ издаваемомъ въ Казани журналѣ „Дѣятель“, за 1896 годъ. И мы, съ разрѣшенія автора, въ виду рѣдкости этого журнала, будемъ извлекать изъ него необходимыя данныя. Начнемъ съ главнаго лица въ нашей гимназической жизни, вершителя нашихъ маленькихъ судебъ — нашего инспектора П. Г. Скорнякова.—Вотъ его живой портретъ, написанный искусной рукой. — „Инспекторъ гимназіи, Петръ Гавриловичъ Скорняковъ, былъ замѣчательной личностью. Въ то время какъ мы поступили въ гимназію, онъ только-что былъ переведенъ изъ 1-й казанской гимназіи, въ которой, вслѣдствіе жестокаго обращенія съ учениками, онъ былъ сильно избитъ ими въ одномъ изъ темныхъ угловъ корридора. Нѣсколько учениковъ высшихъ классовъ, участвовавшихъ въ этомъ побоищѣ, были, послѣ жестокаго сѣченія, отданы попечителемъ, Михаиломъ Николаевичемъ Пушкинымъ, въ солдаты; другіе же только сильно высѣчены, или исключены изъ гимназіи. Озлобленіе учениковъ такъ было велико, что они, какъ потомъ разсказывали, старались бить Скорнякова по глазамъ, чтобы разбить очки, которые онъ всегда носилъ, и чтобы ослѣпить его; только благодаря подоспѣвшимъ

сторожамъ, не удалось имъ этого сдѣлать. Когда мы держали вступительный экзаменъ, насъ поразили синебагровыя пятна подъ глазами и на всемъ лицѣ Скорнякова: это были слѣды побоевъ, тогда еще не зажившихъ. Трудно забыть эту физіономію, съ бѣлыми злыми глазами, которые, кажется, никогда въ жизни не улыбались и не смотрѣли ласково на учениковъ, съ мягкими, неслышными движеніями животнаго кошачьей породы, всегда готоваго мучить свою жертву и наслаждаться ея страданіями; вся его дѣятельность состояла въ ловлѣ учениковъ на какой-нибудь шалости, для чего,—чтобы незамѣтно подкрадываться къ нимъ,—онъ носилъ сапоги съ мягкой подошвой, безъ подборовъ; съ ужасомъ, бывало, нечаянно, оглянувшись, увидишь этого хищника, подкрадывающагося къ стеклянной двери класса. Для Скорнякова не было наслажденія выше сѣченія учениковъ, а это сѣченіе было почти ежедневное. И съ какимъ удовольствіемъ Скорняковъ занимался этимъ любимымъ дѣломъ: обыкновенно сѣченіе каждаго ученика продолжалось очень долго; давши пять-шесть розогъ, Скорняковъ останавливалъ служителя и начиналъ увѣщаніе, потомъ опять пять-шесть розогъ, опять увѣщаніе и т. д. Живо помню, съ какимъ ужасомъ услышали мы въ первый разъ, съ своихъ партъ, вопли и стоны истязуемой жертвы, и какъ въ то же время издѣвался Скорняковъ надъ этими воплями, пересыпая удары разными прибаутками и насмѣшками. Все это, почти безпрерывное, сѣченіе производилось во время классовъ, чуть не на глазахъ учениковъ, въ небольшой комнатѣ, называемой карцеромъ, которая помѣщалась въ общемъ корридорѣ, въ двухъ шагахъ отъ двери въ нашъ классъ".

Со времени моего вступленія въ гимпазію впечатлѣніе на меня отъ этого ягуара было впечатлѣніемъ удава на маленькую птичку. Его коварство и злоба грозили мнѣ каждый день наказаніемъ въ карцеръ или розгами. Случай скоро къ тому представился. Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія, мои новые товарищи,—школьники,—какъ всегда и вездѣ—начали приставать ко мнѣ съ объясненіями, поцѣлуями и обиднымъ въ то время для меня словомъ: „барышня". Однажды утромъ въ классѣ товарищъ-гимназистъ В. Головачевъ приставалъ ко мнѣ съ тѣми же оскорбленіями. Я не выдержалъ и далъ ему пощечину. Никто не замѣтилъ, что въ стеклянную дверь класса смотрѣлъ инспекторъ, но дверь растворилась, и его ужасная фигура показалась во весь ростъ, и начался его іезуитскій, истязательный допросъ. Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но никогда съ тѣхъ поръ во всю мою жизнь я не забывалъ этой фигуры. Почти черезъ тридцать лѣтъ

потомъ, будучи участковымъ мировымъ судьею чистопольскаго уѣзда, я вспоминалъ о немъ при видѣ представленныхъ мнѣ на судъ, избитыхъ народомъ конокрадовъ, съ тѣми же темными пятнами на щекахъ и на всемъ лицѣ и съ такимъ же замогильнымъ голосомъ. Онъ и умеръ, какъ тѣ конокрады, отъ чахотки, вслѣдствіе побоевъ.

Въ слѣдующемъ же году, перейдя въ IV-й классъ, я фигурировалъ вмѣстѣ съ Н. П. Вагнеромъ въ баснѣ Крылова „Кукушка и воробей". На этотъ разъ женская роль кукушки, отданная мнѣ ради моей миловидности, не принесла мнѣ ничего, кромѣ общаго удовольствія. Приготовленный хорошо дома по французскому языку, я былъ и въ гимназіи поощряемъ за этотъ языкъ.—Въ первый же годъ мнѣ было поручено произнести рѣчь на актѣ на французскомъ языкѣ. О двухъ французахъ нашей гимназіи, гг. Баронѣ и Де-Планьи, я сохранилъ лучшее воспоминаніе, нежели мой достопочтенный товарищъ, Э. П. Янишевскій. В. А. Баронъ, къ которому я ѣздилъ репетировать свою актовую рѣчь, сначала просвѣщалъ меня незабываемыми драматическими разсказами о молодыхъ юношахъ-французахъ съ ихъ героизмомъ, стальными нервами и высокими подвигами мужества. Они возбуждали меня и потомъ и поддерживали во всю жизнь. Между тѣмъ самъ Викторъ Андреевичъ былъ весьма слабонервный и пугливый старикъ. Любимымъ удовольствіемъ насъ, школьниковъ еще въ VI-мъ классѣ, было становиться на подоконники двухъ высокихъ оконъ нашего класса во второмъ этажѣ гимназіи и стараться отворять или затворять окна, чтобы къ общему удовольствію видѣть, какъ трусилъ старикъ при видѣ этой нарочно придуманной нами опасности, какъ онъ пугливо закрывалъ свои добрые, милые глаза и почти со слезами умолялъ насъ, шалуновъ, сойти съ опасной высоты. Другой французъ—mr. De-Plagny—полюбилъ меня съ VI-го класса, и тогда, вскорѣ, просилъ меня заняться переводами на русскій языкъ его педагогической книги, общей, какъ онъ полагалъ, для мужскихъ гимназій и института, въ которомъ онъ преподавалъ. Это были „Entretiens graduels", „Постéпенныя бесѣды", какъ онъ называлъ ихъ по-русски, налегая сильно на слогъ *сте*. Оба класса я трудился какъ молодой волъ и былъ награждаемъ какъ хорошими отмѣтками, такъ и признательностью его жены и дочки. Въ 1857 году, когда я съ молодою женой, вскорѣ послѣ женитьбы, квартировалъ въ Петербургѣ, на Кабинетской улицѣ, рано утромъ, еще до 9-ти часовъ, неожиданно растворились двери въ нашу маленькую столовую и вмѣстѣ гостиную, и въ

дверяхъ показался сѣдой старикъ, старый учитель, въ высокихъ калошахъ и въ синемъ фракѣ съ серебряными пуговицами. Это былъ m-r Де-Планьи. Неисправимый фантазёръ, онъ продалъ въ Казани свой хорошій деревянный домъ съ небольшимъ, но устроеннымъ садомъ, и пріѣхалъ въ Петербургъ со старухой-женой, двумя дочерьми и маленькимъ сыномъ, въ надеждѣ, не знаю на чемъ основанной, получить мѣсто преподавателя и учителя у наслѣдника цесаревича. И смѣшно сказать,—съ просьбою объ этомъ онъ обратился къ первому ко мнѣ—тогда бывшему помощникомъ столоначальника департамента удѣловъ. Дальнѣйшая судьба его скоро опредѣлилась. Онъ снова бѣжалъ изъ Петербурга, остановился въ Нижнемъ, прожилъ остатокъ жизни на свою небольшую пенсію, израсходовалъ всѣ деньги, вырученныя за домъ въ Казани, и оставилъ жену и дѣтей безъ куска хлѣба. Еще въ 1880-хъ годахъ, состарѣвшаяся совершенно дочь его Людмила пріѣзжала въ Казань изъ Нижняго, гдѣ она была въ дворянской богадѣльнѣ, и по старой памяти посѣтила меня, а потомъ, въ началѣ 1890-хъ годовъ, явился ко мнѣ сынъ его Дмитрій, служившій до сихъ поръ въ Сибири, и просилъ о мѣстѣ. Я помѣстилъ его въ губернскую управу, но онъ не долго служилъ въ Казани и исчезъ такъ же неожиданно, какъ и явился.

Маленькій уроженецъ юга не скоро освоился съ непривычнымъ ему климатомъ. Постоянно суровыя зимы, съ морозами свыше 30-ти градусовъ, съ веснами сырыми и вѣтреными, съ разливомъ и медленнымъ высыханіемъ окружающихъ Казань рѣкъ, дорого стоили его неокрѣпшему здоровью. До самаго университета и позже, до переѣзда на службу въ Петербургъ въ 1852 г., меня ежегодно весною мучили перемежающіяся лихорадки. Конечно, все это должно было отражаться на ученьѣ, но тѣмъ не менѣе, правильное ли ученье, или снисходительность педагогическаго персонала, сдѣлали то, что я до перехода въ университетъ не сходилъ съ золотой доски. О, лихорадки, казанскія лихорадки! Никакія симпатическія и медицинскія средства въ нихъ не помогали. Сколько бумажекъ съ надписями на нихъ, свернутыхъ въ нѣсколько разъ, съ навязаннымъ на нихъ пестрымъ снуркомъ и строгимъ наставленіемъ не заглядывать въ текстъ, — износилъ я въ эти далекія весны! Осталось у меня на совѣсти, что я прочиталъ одну изъ нихъ, со словами молитвы къ Пресвятой Богородицѣ Троеручицѣ: „Пресвятая Богородица, спаси раба твоего (имя рекъ) отъ лихорадки трясовицы“. Но я не читалъ же всѣхъ изношенныхъ записокъ, и онѣ все-таки не помогали, и только временно, какъ палліативъ, пре-

кращала ненадолго пароксизмы яичная плёнка, которою туго обвязывался мизинецъ правой руки. Рѣже прибѣгали къ пріемамъ хины, которую тогда такъ ненавидѣли дѣти и боялись взрослые. Кромѣ того, съ наступленіемъ раннихъ жаровъ въ Казани, въ горячее время раннихъ экзаменовъ и приготовленій къ нимъ, у меня, ежедневно, по утрамъ, когда я ходилъ въ гимназію, открывалось кровотеченіе изъ носа. Ничего не знали и не рекомендовали тогда противъ этой болѣзни, кромѣ опять-таки симпатическихъ средствъ. Какъ часто помню я, несчастный мальчикъ, отправившись утромъ во 2-ую гимназію, по цѣлымъ получасамъ стоялъ, прижавшись къ забору большого пустыря на Воскресенской горѣ противъ зданія клиники, и кровь лилась большою струею, несмотря на то, что я крѣпко зажималъ одною рукою больную ноздрю носа и долго держалъ высоко протянутую на воздухъ руку.

Съ переходомъ въ IV-й и V-й классы мое дѣтское сердце перестаетъ быть пугливымъ. Съ этого времени для меня становится съ каждымъ днемъ ощутительнѣе забота обо мнѣ и моемъ спокойномъ пребываніи въ гимназіи — старшаго брата моего, Николая Никитича; она проходитъ сквозь всю мою жизнь до самой женитьбы и даже дальше ея,—до самой его смерти. Молодой, красивый, энергичный, онъ рано для меня, въ 1845 году, окончилъ курсъ въ университетѣ. Но еще ранѣе, благодаря своей высоко-развитой личности, вступилъ въ свѣтскія отношенія. Въ то время какъ мой отецъ, снискавъ во время нашей первой жизни въ Казани репутацію отличнаго дѣльца, знатока гражданскихъ законовъ, пріобрѣлъ себѣ вѣсъ и значеніе въ обществѣ, репутація его къ концу 40-хъ годовъ падаетъ. Такія извѣстныя въ Казани лица, какъ И. Г. Горемыкинъ, первый завязавшій тѣсное знакомство съ моимъ отцомъ, ради помощи ему въ процессѣ съ опекуномъ его невѣсты А. П. Башмаковой—Акчуринымъ,—лицо, отъ котораго мы, дѣти, въ началѣ 1837 года впервые услышали тяжелую вѣсть о смерти Пушкина, уже иначе относился къ нашему отцу. Внимательно вглядываясь теперь по даннымъ, запечатлѣннымъ въ дѣтской памяти, и по дальнѣйшему потомъ наблюденію надъ строемъ помѣщичьяго общества г. Казани, я не сомнѣваюсь, что причиной упадка репутаціи моего отца послужило неудачное для него пріобрѣтеніе Кушниковскаго имѣнія.

Съ тѣхъ поръ отецъ, поглощенный новой дѣятельностью, рѣдко бывавшій въ Казани и посвятившій себя вновь возникшимъ интересамъ, совершенно противъ существующихъ нравовъ

и вкусовъ этого общества, привязался къ интересамъ тѣхъ меньшихъ братьевъ, къ которымъ никогда не лежали близко сердца казанскихъ помѣщиковъ. Изъ своихъ поѣздокъ въ чистопольскій уѣздъ, въ то время происходившихъ на лошадяхъ, черезъ уѣзды казанскій, лаишевскій, съ заѣздами къ знакомымъ въ спасскій и тетюшскій уѣзды, онъ привозилъ массу крестьянскихъ просьбъ, жалобъ, порученій и, пользуясь своимъ авторитетомъ между казанскими властями, умѣньемъ вести дѣла и, главное, своимъ добрымъ, горячимъ сердцемъ, помогалъ этой братіи словомъ и дѣломъ. То были—до сихъ поръ не пользовавшіяся расположеніемъ въ частной владѣльческой средѣ ходатайства цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ и отдѣльныхъ крестьянъ объ увеличеніи ихъ надѣловъ—ходатайства богатыхъ крестьянъ о сдачѣ вмѣсто своихъ дѣтей, получившихъ рекрутскій жребій, нанятыхъ ими замѣстителей изъ охотниковъ, вмѣсто покупки у помѣщиковъ по огромнымъ цѣнамъ принадлежащихъ имъ зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій и т. п., иногда жалобы на доступныя тогда для преслѣдованія злоупотребленія помѣщиковъ,—словомъ, такой большой контингентъ крестьянскихъ нуждъ того времени, какого даже я не въ состояніи запомнить. Неужели, подумаютъ многіе и теперь, въ прежней помѣщичьей средѣ или въ новой средѣ адвокатовъ, иначе какъ за гонораръ и деньги и не ведущихъ чужія, а въ особенности крестьянскія дѣла,—неужели тогда былъ такой даровой, а не наемный, за деньги, адвокатъ?—и будутъ правы съ своей стороны! Но кто знаетъ прежнее время, полную беззащитность, вопіющую нужду несчастныхъ, неграмотныхъ крестьянъ—этихъ полу-дѣтей, тотъ навѣрное отыщетъ въ людяхъ прежняго времени не одинъ примѣръ такой обильной, безкорыстной помощи бѣднякамъ и, можетъ быть, несравненно частой въ ту далекую пору дешевой, обезпеченной жизни людей высокаго ранга, которымъ доброе имя, простая, но громкая благодарность дѣтскихъ добрыхъ сердецъ звучала тогда сильнѣе золота и серебра. Но не такъ понимали или хотѣли понимать моего отца казанскіе помѣщики того времени, и результатомъ его чисто благотворительной дѣятельности было то, что чѣмъ болѣе онъ снискивалъ себѣ расположеніе крестьянъ, чѣмъ властнѣе и громче произносилось его имя въ отзывчивой ихъ массѣ, тѣмъ сильнѣе загоралась злоба, и скоро установилось мнѣніе, что мой отецъ ничего не дѣлаетъ даромъ, а завзятый взяточникъ. Всюду проникала въ обществѣ эта клевета, и когда отецъ, польщенный лестнымъ предложеніемъ ему баллотироваться на вакантную должность товарища предсѣдателя палаты, рѣшился на этотъ риско-

ванный шагъ и согласился на баллотировку,—они забаллотировали его. Конечно, многіе изъ нихъ тогда сознавали, что нельзя допустить, чтобы секретарь жандармскаго округа, этого тогда чисто филантропическаго учрежденія, могъ на глазахъ своего непосредственнаго начальства такой высокой честности и благородства, какимъ былъ графъ П. И. Апраксинъ, дѣлать такія частыя и крупныя злоупотребленія, нарушавшія всякій смыслъ учрежденія,—но они утверждали это. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, тѣ же казанскіе дворяне-помѣщики забаллотировали меня, его сына, несмотря на мои тридцать-три года службы въ губерніи и Казани. Странный, но понятный въ Россіи фатумъ!

Съ самаго отъѣзда моихъ двухъ товарищей-братьевъ — Степана и Александра,—конечно, вслѣдствіе того, что любящее сердце должно было найти себѣ откликъ въ другомъ братѣ,—начинается полная перемѣна ко мнѣ отношеній старшаго брата, Н. Н. Прежнія насмѣшки и обидныя выходки старшаго сибиряка надъ хохломъ были забыты, и послѣдній становится предметомъ его нѣжныхъ попеченій. Нельзя здѣсь перечислить всего того, что имъ было предпринято и сдѣлано для этой любви. Самъ бывшій ученикъ 2-ой казанской гимназіи, кончившій въ ней курсъ въ тотъ годъ, какъ я поступилъ, хорошій знатокъ въ порядкахъ, онъ сдѣлался моимъ ментором, охранителемъ и просвѣтителемъ. Задолго до моего выхода изъ гимназіи, вліяніе Н. Н. обнаружилось на моемъ тамъ пребываніи. Замѣтно для меня, но не для моего начальства—явилось покровительство въ лицѣ новаго учителя—Шарбе, бывшаго товарища брата по университету. Въ 1844 году, по просьбѣ тогдашняго антрепренера-любителя М. М. Магницкаго, я принялъ участіе въ дѣтскомъ спектаклѣ, въ впервые разыгранной въ Казани пьесѣ „Школьный учитель“, и два раза сыгралъ въ немъ роль Шарлотты, единственной дочери учителя и любовной мечты Дезиré Корбо. Сыгралъ, какъ увѣряли тогда всѣ, превосходно, и адъютантъ тогдашняго губернатора—фамиліи его не помню—послѣ перваго акта, не повѣривъ, что игралъ мальчикъ, а не дѣвушка, не разъ пытался ворваться за кулисы и саблей разорвалъ нашъ занавѣсъ. Но зато въ гимназіи мой успѣхъ нисколько не помогъ. На другой день послѣ перваго спектакля, Скорняковъ вызвалъ меня въ корридоръ и бранилъ всѣми нещадными словами за то, что я, будто бы, не просилъ дозволенія играть. Между тѣмъ ему хорошо было извѣстно, что Магницкій просилъ у него позволенія участвовать въ спектаклѣ тутъ же поименованнымъ имъ гимназистамъ. Въ этомъ случаѣ, также потомъ и въ двухъ другихъ, заступниче-

ство брата и вліяніе Шарбе спасли меня. Въ 1846 году, уже въ седьмомъ классѣ, рано утромъ до звонка, когда я, сидя на партѣ и держа передъ собою толстую книгу церковной исторіи митр. Филарета, усвоивалъ себѣ какой-то эпизодъ древней исторіи, я вдругъ, поднявъ глаза, увидалъ за стекляннною дверью памятные, бѣлые и зеленые, изъ четырехъ стеколъ очки шестиглазой жабы. Я успѣлъ поклониться, но дверь растворилась, я былъ вызванъ въ корридоръ и съ полчаса былъ преслѣдуемъ за то, что, будто бы, я не поклонился,—но снова уцѣлѣлъ, и не попалъ въ карцеръ, благодаря заступничеству Шарбе.

Второй заботой старшаго брата было, такъ сказать, просвѣщеніе меньшого. Опережая далеко своихъ товарищей по развитію, я еще въ V-мъ классѣ читалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ вышедшую тогда въ свѣтъ въ переводѣ Жуковскаго „Одиссею“. И любопытный, но совершенно соотвѣтственный способъ приманки онъ употребилъ тогда со мною. Онъ каждый разъ приглашалъ меня для этого изъ своего деревяннаго флигеля при нашемъ новомъ небольшомъ каменномъ домѣ, гдѣ я жилъ, предложеніемъ начать и продолжать чтеніе съ приправою великолѣпнаго миндаля и изюма, которые я такъ любилъ. Потому я еще и въ V-мъ классѣ читалъ въ русскомъ переводѣ переданныя мнѣ братомъ трагедіи Шекспира и одну изъ нихъ, „Сонъ въ лѣтнюю ночь“, прочиталъ, не смыкая глазъ, тоже въ чудную весеннюю ночь, и обаяніе этой пьесы слилось для меня нераздѣльно съ памятью о чудной ночи, о лунѣ и громкихъ трелях соловья, раздававшихся изъ сосѣдняго волшебнаго сада В. Е. Чертовой.

Въ 1843 году, въ V-мъ классѣ гимназіи, сдѣлались моими товарищами и соучениками Д. П. Безобразовъ и М. Е. Лентовскій. Происходя изъ лучшихъ дворянскихъ фамилій (первый—сынъ бывшаго вице-губернатора въ Оренбургѣ, воспитанникъ первыхъ годовъ 1-ой казанской гимназіи, а второй—сынъ бывшаго профессора казанскаго университета, Е. А. Лентовскаго) оказали съ ихъ достопочтенными родителями огромное вліяніе на мое воспитаніе въ остальные годы гимназической и позднѣйшей жизни. Съ Митенькой Безобразовымъ, красивымъ розовымъ юношей, мы сидѣли бокъ-о-бокъ на ученической скамьѣ, очень много занимались вмѣстѣ, читали, переводили или катались верхомъ каждый весенній и лѣтній вечеръ за городъ, въ Подлужную и такъ называемую Русскую Швейцарію,—я на нашей маленькой Башкиркѣ, а онъ—на дрессированной лошади, взятой изъ цирка. Любопытенъ, къ сожалѣнію публики изъ дѣтей и прислуги уже

оставленный способъ приглашенія на представленія цирка въ провинціальныхъ городахъ того времени. Рано утромъ, при звукахъ фанфаръ, выѣзжала вся труппа наѣздниковъ и наѣздницъ цирка, въ пестрыхъ разноцвѣтныхъ костюмахъ, и, разбрасывая афиши, манила и звала на великолѣпное зрѣлище. Доступные по своей дешевизнѣ спектакли давались въ балаганѣ-циркѣ почти внутри города и привлекали къ себѣ массу дѣтей и взрослыхъ. На этихъ спектакляхъ мы помнимъ всегда треугольную съ чернымъ султаномъ шляпу адъютанта губернатора, П. А. Костливцева, становившуюся вертикальнымъ торчкомъ, одинаково передъ высокими окнами нашей сосѣдки-красавицы В. Е. Чертовой и передъ наѣздницами цирка. Въ одинъ свѣтлый лѣтній вечеръ эта любопытная шляпа испугала на нашихъ глазахъ свѣтло-сѣрую лошадь молодой, красивой наѣздницы; лошадь брыкнула задними ногами, и бѣдная дѣвушка упала навзничь, разбившись въ кровь о барьеръ цирка.

Въ каменномъ домѣ Елизаветы Алексѣевны Безобразовой, существующемъ и теперь въ томъ же видѣ и принадлежавшемъ до 1898 г. дѣйствительному тайному совѣтнику А. П. Безобразову, мы съ III-го по VI-й классъ, нерѣдко танцовали по вечерамъ съ такими же подростками-дѣвушками, изъ кототорыхъ потомъ многія становились красавицами. Это были Львовы, Дмитріевскія, Вейнтраубъ, etc. Прежняя дружба продолжалась долго. Перешедши на службу въ Петербургъ, я пересталъ видѣться съ Д. П. Безобразовымъ. Но очень часто видѣлъ, впрочемъ, и теперь еще вижу во снѣ залу, гостиную и угловую большого каменнаго дома, принадлежавшаго почтенной Елизаветѣ Алексѣевнѣ, и всякій разъ, какъ я пріѣзжалъ въ отпускъ въ Казань, я бывалъ въ этомъ домѣ. Въ 1859 году, черезъ два года послѣ моей женитьбы, Д. П. поступилъ на службу въ Петербургѣ, о чемъ я вскорѣ узналъ, зашелъ къ нему въ I-й департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, и онъ въ тотъ же день, со свойственной ему простотой и добродушіемъ, пришелъ къ намъ обѣдать въ нашу квартиру на Николаевской, тогда Грязной улицѣ, и очаровалъ меня и жену своимъ милымъ обращеніемъ. Скорая смерть его отъ тифа въ Петербургѣ оставила во мнѣ горькое сожалѣніе о судьбѣ этого милаго молодого человѣка, которому предстояла такая блестящая карьера, какъ и его старшимъ братьямъ.

Домъ Маріи Михайловны Лептовской, на высокой террасѣ надъ Николаевской площадью, съ проходомъ въ него съ этой площади въ подъѣздѣ черезъ разрытую гору, въ наше гимнази-

ческое время служилъ для насъ—кто бы могъ это подумать!—первымъ салономъ для causerie и свѣтскаго passe-temps, знакомства съ журналами и съ иллюстраціями, и я, обласканный Маріей Михайловной, тогда еще молодой, привлекательной женщиной, бывалъ въ немъ часто въ какой-то jour fixe,—кажется, среду. Еще въ 1862 г., при переѣздѣ на службу въ Казань, я нарочно посѣтилъ этотъ домъ, занятый тогда какой-то биргалкой, чтобы еще разъ вспомнить тѣ прекрасныя минуты, которыя доставлялъ намъ этотъ домъ въ годы моей юности. Распредѣленіе комнатъ оставалось прежнее, но уже не сохранилось никакихъ слѣдовъ одушевлявшей его жизни. Съ тѣхъ поръ мѣсто перешло въ руки извѣстнаго нынѣ, я думаю, во всей Россіи героя многочисленныхъ хроникъ, собранныхъ и напечатанныхъ покойнымъ Павловскимъ въ небольшой голубой книжкѣ „Незабудкѣ“. Герой, движимый какимъ-то непонятнымъ, но полнымъ достоинства чувствомъ стыдливости, затѣялъ послѣ того процессъ съ Павловскимъ, проигралъ этотъ дорого стоившій ему процессъ, послѣ чего съ необыкновеннымъ искусствомъ, не жалѣя денегъ, скупилъ всѣ бывшіе въ обращеніи экземпляры этого изданія, причемъ они такъ волшебно исчезали съ полокъ, что я рѣшительно не могъ отыскать у себя слѣдовъ такой пропажи. Теперь на этомъ мѣстѣ стоитъ большой каменный домъ съ магазинами на площади, съ номерами для пріѣзжихъ внутри двора, съ общественными столовой и кухмистерской, дышетъ весь меркантильностью, и снизу доверху, снаружи и внутри, въ домѣ и во дворѣ, торгуетъ стекломъ, картономъ, пахучими маслами, цементомъ и совѣстью.

Былъ еще одинъ спектакль, въ которомъ я участвовалъ какъ ученикъ гимназіи; но этотъ былъ, такъ сказать, „по распоряженію начальства“. Въ зданіи городского училища на Черноозерской улицѣ, гимназисты 1-ой и 2-ой гимназіи представляли никогда не умирающую пьесу „Костромскіе лѣса или Иванъ Сусанинъ“. Сусанина прекрасно игралъ В. И. Лапинъ, впослѣдствіи видный чиновникъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ по департаменту духовныхъ дѣлъ, а Ваню—я, еще четырнадцатилѣтній мальчикъ. Никто не можетъ себѣ представить моей радости, моего торжества, когда меня, еще въ пестрой рубашечкѣ крестьянскаго мальчика, вывели на вызовы къ зрительницамъ и зрителямъ перваго ряда партера, и они награждали меня похвалами, поцѣлуями и ласками.

Помнится еще слѣдующій эпизодъ ученической жизни. Я былъ уже въ VI-мъ классѣ гимназіи, когда установленный для осо-

бывъ случаевъ гимназической жизни звонокъ возвѣстилъ о пріѣздѣ высокой особы. Вскорѣ стеклянныя двери нашего класса, перваго со входной лѣстницы, широко распахнулись, и въ классъ вошелъ, въ густыхъ золотыхъ эполетахъ и съ генералъ-адъютантскимъ аксельбантомъ, небольшой сѣдоватый генералъ, не выше ростомъ нашего любимаго сторожа гимназіи, Конона. Это былъ казанскій губернаторъ С. П. Шиповъ. Учитель Позернъ, по иниціативѣ его высокопревосходительства, предложилъ мнѣ разсказать о послѣдствіяхъ реформаціи. Не вслушавшись въ приказаніе, я началъ горячо и долго говорить о личности Мартина Лютера, о его мнѣніи насчетъ распущенности священниковъ того времени, о пословицѣ: „кто хочетъ быть счастливъ одинъ день, тотъ пусть зарѣжетъ курицу, кто хочетъ быть счастливъ годъ, тотъ женись, а кто цѣлую жизнь, тотъ сдѣлайся священникомъ“,—но былъ благосклонно выслушанъ и посаженъ на мѣсто.

Въ VI-мъ и особенно въ VII-мъ классѣ желаніе нравиться и танцовать развивалось все сильнѣе. Я посѣщалъ маленькіе очаги, болѣе всего домъ моего французскаго учителя, отца хорошенькой барышни—Людмилы Алексѣевны Де-Планьи; у брата же Николая Никитича былъ обширный кругъ знакомства, и онъ еще разсѣяннѣе проводилъ свои вечера. 31-го, наканунѣ новаго года, мы оба уходили изъ дому, и чтобы не огорчать своихъ стариковъ—отца и бабушку—тѣмъ, что мы не вмѣстѣ встрѣчали новый годъ, переводили стѣнные часы на полтора часа назадъ, и встрѣтивъ весело новый годъ съ интересовавшими насъ лицами, преимущественно барышнями, возвращались въ самую пору для встрѣчи вновь новаго года дома. А этихъ милыхъ барышенъ и въ моемъ кругу было довольно, какъ, напримѣръ, А. М. Львова, тогдашняя красавица и пѣвунья (о, какъ она пѣла тогда только-что явившуюся серенаду Фета: „На зарѣ ты ее не буди“), или молодая же, бѣломраморная красавица А. П. Кутепова.

Мой разсказъ объ учителяхъ былъ бы не полонъ, если бы я не сообщилъ нѣсколько свѣдѣній о г. Михайловѣ, учителѣ русской словесности въ VI-мъ и VII-мъ классахъ гимназіи. Воспитанникъ казанскаго университета по филологическому факультету, красивой, изящной наружности, художникъ по призванію, онъ обаятельно дѣйствовалъ на умы своихъ учениковъ. Онъ съумѣлъ развить въ нихъ любовь къ поэзіи и ея пониманіе, и своимъ чтеніемъ лучшихъ произведеній литературы увлекалъ наши горячія души въ высшія сферы чувствъ и помышленій. Счастливый билетъ изъ русской литературы, выпавшій на мою долю на пріемномъ экзаменѣ въ университетъ, и мое умѣнье отвѣчать

составили тогда самую лестную обо мнѣ рекомендацію. Я отвѣчалъ о поэзіи Пушкина, ея характерныхъ чертахъ, и какъ отрадно вспоминать мнѣ самому то, какъ я громко и отчетливо произносилъ вводные, какъ примѣръ, стихи Пушкина: „Была та смутная пора, когда Россія молодая, въ бореньи силы напрягая, мужалась геніемъ Петра". Или,—что̀ особенно понравилось моимъ экзаменаторамъ, хотя и было произнесено по дѣтски-восторженно, а не такъ, какъ бы произнесъ ихъ опытный цѣнитель женской красоты, Донъ-Жуанъ: „Я только издали съ благоговѣньемъ смотрю на васъ, когда, склонившись тихо, вы кудри черныя на мраморъ блѣдный разсыплете". Пятнадцать лѣтъ спустя, когда я женился, оказалось, что и у моей жены въ институтѣ былъ тотъ же учитель, и какъ весело было вспоминать намъ обоимъ о дорогомъ наставникѣ и о его манерѣ преподавать и читать намъ стихи.

Съ переходомъ въ IV-й классъ, я началъ учиться греческому языку. Учитель, Клеотильдъ Станиславовичъ Тхоржевскій, только-что тогда кончившій курсъ въ университетѣ, кандидатъ филологическаго факультета, одинъ изъ „несчастныхъ", какъ тогда называли воспитанниковъ виленской гимназіи, сосланныхъ въ Казань,—высокій, стройный молодой человѣкъ съ роскошной черной шевелюрой, съ блѣднымъ симпатичнымъ лицомъ, съ близорукими глазами, необычайно живыми, молодыми манерами, скоро сдѣлался нашимъ любимцемъ. Онъ вовсе не походилъ на тѣхъ новыхъ учителей греческаго языка въ современныхъ намъ гимназіяхъ, такъ называемыхъ „грекосовъ", сухихъ, озлобленныхъ, родомъ изъ сербовъ или болгаръ, которыхъ такъ не любятъ и боятся наши ученики. Всѣ мы, впрочемъ, начали учиться греческому языку по собственному желанію. И потому ли, что мы начали учиться добровольно, или потому, что нашъ учитель былъ такой симпатичный человѣкъ, только мы всѣ любили его безъ памяти, и въ особенности я своимъ чистымъ, дѣтскимъ сердцемъ. Я не помню, чтобы когда-нибудь усвоеніе греческаго языка составляло для меня, въ началѣ или среди занятій,—предметъ какого-либо неудовольствія и тѣмъ менѣе мученія. Нашъ „длинный" наставникъ, какъ называли его дѣти, le pyramide d'Egypte, какъ называли его всѣ любившіе его не менѣе дѣтей, его товарищи, по почину Де-Планьи,—онъ съумѣлъ сухое преподаваніе мертваго языка оживить разнообразіемъ переводныхъ источниковъ. Мы не сидѣли на одной и той же главѣ Одиссеи или Иліады по цѣлымъ мѣсяцамъ, не переводили съ живого на мертвый языкъ какихъ-либо отрывковъ изъ Ксенофонта, переведенныхъ

на русскій языкъ и снова переводимыхъ на греческій. Онъ останавливалъ насъ на разнообразныхъ эпизодахъ Иліады и Одиссеи, въ которыхъ жизнь древнихъ грековъ, народа и царей, возставала передъ нами, какъ живая въ своихъ первобытныхъ формахъ,— или гармоническимъ, пѣвучимъ голосомъ читалъ намъ оды Анакреона. И я, 72-лѣтній старикъ, до сихъ поръ наслаждаюсь мелодіей этого чуднаго древняго языка. Многіе изъ насъ, конечно, вовсе не думали заниматься далѣе греческой филологіей (и, конечно, знали потомъ языкъ и его грамматику гораздо хуже нынѣшнихъ учениковъ), но охотно посѣщали уроки греческаго языка, который, положимъ, не принесъ намъ также въ нашей жизни непосредственной пользы, кромѣ общей, одинаковой при изученіи и новыхъ языковъ, а именно умѣнья излагать свои мысли и способствовать быстрому мышленію; и, конечно, для дѣтскихъ сердецъ пріятно блестѣлъ вдали, по окончаніи курса въ гимназіи, XII-й классъ, съ которымъ меня отъ души поздравилъ мой чиновный отецъ. Бѣдный Клеотильдъ Станиславовичъ! Сколько лѣтъ я посѣщалъ его потомъ, будучи въ университетѣ и, вѣроятно, даже по окончаніи курса, когда онъ жилъ на Арскомъ-Полѣ, въ маленькомъ флигелѣ во дворѣ дома, принадлежавшемъ тогда полковнику Богданову. Несчастная общая судьба польскихъ уроженцевъ того времени, подвергавшая ихъ въ нашемъ суровомъ климатѣ разнымъ болѣзнямъ, отъ которыхъ они думали предохранить себя такими героическими средствами, какъ, напримѣръ, купанье въ озерѣ Кабанѣ до самыхъ заморозковъ, унесла его хрупкое здоровье.—Sit tibi terra levis!

Послѣдніе ученическіе годы оживлялись приливомъ новыхъ впечатлѣній. Два раза, въ 1844 и 1846 годахъ, пріѣзжали въ отпускъ братья-кадеты, Степанъ—новгородскаго графа Аракчеева корпуса изъ Грузина и Александръ—горнаго корпуса въ Петербургѣ. Въ нашемъ деревенскомъ домѣ виситъ небольшой, на рѣдкость хорошо сохранившійся для настоящаго времени, дагерротипный портретъ обоихъ братьевъ на темноватой серебряной доскѣ. Оба—въ своей простой кадетской формѣ того времени, неприглядной на видъ короткой казенной курткѣ; старшій—Степанъ, съ высоко открытымъ лбомъ, съ вихрастой прядью волосъ, зачесанной съ проборомъ съ лѣвой стороны на правую, и съ одутловатыми щеками, несомнѣнно наслѣдіемъ Грузина, этого „земного рая“, какъ называлъ его всемогущій временщикъ-владѣлецъ. Другой, Александръ, стоя во весь ростъ, съ густыми черными волосами, большимъ открытымъ лбомъ и рубцеватымъ шрамомъ на щекѣ отъ операціи, произведенной еще въ дѣтствѣ,

въ Казани, бывшимъ профессоромъ хирургіи въ университетѣ, потомъ директоромъ медико-хирургической академіи, Дубовицкимъ. Въ большихъ, открытыхъ глазахъ, кажется, до сихъ поръ еще свѣтится тотъ огонь, съ которымъ онъ, гордый своею жизнью въ сѣверной столицѣ, еще не остывшей тогда отъ поэзіи Пушкина и Лермонтова, читалъ намъ такое высоко-патріотическое стихотвореніе, какъ „У русскаго царя въ чертогахъ есть палата“, и казалось, что участь того неразгаданнаго при жизни великаго полководца, впушившаго поэту свое стихотвореніе, есть именно участь, будущая судьба его, милаго брата. Или онъ читалъ стихотвореніе Лермонтова: „Памяти А. И. Од—го“: „Я зналъ его, мы странствовали съ нимъ въ горахъ Кавказа“. И казалось, что этотъ чудный юноша-красавецъ, сохранившій до конца своей жизни свѣжесть и прелесть молодой души, вѣчную страстную любовь къ природѣ,—это именно онъ и есть, нашъ „милый Саша“. Или онъ читалъ намъ стихотвореніе того же поэта, посвященное чудной и также загадочной красавицѣ, блиставшей тогда всѣми чарами своей красоты въ сѣверной столицѣ (А. К. Воронцовой-Дашковой), и изъ его разсказовъ какъ живая представляется она, эта „какъ мальчикъ кудрявый рѣзва, нарядна, какъ бабочка лѣтомъ“, то въ гордыхъ салонахъ петербургской знати, гдѣ тогда сіяла также своею царственною славою Лалла Рукъ, или въ огромной, блистающей всѣми огнями, золотисто-розовой залѣ Большого театра, гдѣ она, „безпечной прелестью мила“, сидитъ, опершись на барьеръ своими словно выточенными изъ слоновой кости руками, совершенно голыми, безъ всякихъ перчатокъ,—вопреки строгому обычаю тогдашней моды,—а надъ нею, выше ея, на второмъ и третьемъ ярусѣ, также въ ложахъ, сидятъ кадеты горнаго корпуса, и она—имъ, имъ!—очаровательно улыбается. А старшій братъ, Степанъ, привозилъ съ собою изъ Грузина большіе стансы сочиненія аракчеевскихъ кадетъ на темы: „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту“, или анекдоты и стихотворные разсказы на такія же темы: „Non, monsieur, je ne peux pas“...

Константинъ Буличъ.